

ებს ერთბაშად მიქსეულ ცხოვრებას, ეს წუთია სამოთხიდან გამოძევებული, დამცირებული, უგულვებელყოფილი და მაინც უდიდესი, უკეთილშობილესი შედეგი აველუმის უაზრო, უმიზნო და უმნიშვნელო არსებობისა...“ (ჭილაძე 2007:517).

მიუხედავად იმისა, რომ 1980-1990 იანი წლების საქართველოში არსებული რეალობის წარმოსახვა ოთარ ჭილაძის რომანში მხოლოდ აქ დამოწმებული ეპიზოდებით არ შემოიფარგლება და მასში ამ რეალობასთან დაკავშირებით კიდევ ბევრი რამ არის ნათქვამი დოკუმენტური სიმართლითა და მაღალმხატვრული სიტყვიერი ხელოვნებით, ვფიქრობ, ყოველივე ზემოთქმულიც საკმარისი იქნება იმის ხაზგასასმელად, „აველუმი“ ყოველგვარი გადაჭარბების გარეშე რომ შეიძლება მივიჩნიოთ ხსენებული პერიოდის ქართული ყოფის მასშტაბურად ამსახველ ტექსტად.

დამოწმებანი:

დედარიანი 2010: დედარიანი რ. წერილები. ქუთაისი: 2010.

კვაჭანტირაძე 2010: კვაჭანტირაძე მ. ტრავმირებული მეხსიერება პოსტსაბჭოთა ქართულ ნარატივში (ოთარ ჭილაძის „აველუმი“). *საერთაშორისო სამეცნიერო კონფერენცია*. „ტოტალიტარიზმი და ლიტერატურული დისკურსი. მე-20 საუკუნის გამოცდილება“. მასალები. თბილისი: 2010.

ჭილაძე 2007: ჭილაძე ო. *აველუმი*. თბილისი: 2007.

Natalya Oturgasheva

Russia, Novosibirsk

Russian Academy of National Economy and Public Administration by the RF President

Artistic Reflection of Historic Dramas: Requiem or Warning?

From the diversity of genre-stylistic solutions of the problem ‘a person in a horrified world’ the author of the report has chosen for research prose that reflects severe and tragic reality through the magic crystal of centuries-old culture the territory of which was caught in the throes of

war: these are the books of N. Abgaryan 'Keep living', P. Zherebtsova "Thin silver thread", V. Medvedeva 'Zakhok'.

The author views war not as a completed event but as continuing state, which permeates, deforms and destroys lives of people and whole nations. Collective tragedy opens to a reader through personal stories of characters: common grief is overcome with love, hard work, patience and that cultural capital, which being manifested in the mentality and people's way of life provide a chance for their physical survival and spiritual breaking point. Emerging from a particularly trying period people are not only able to restore their everyday life to move on but also keep sad remembrance in their hearts regaining markers of new cultural identity without which truly human existence is impossible.

Key words: modern literature, N. Abgaryan 'Keep living', P. Zherebtsova "Thin silver thread", V. Medvedev 'Zakhok'.

Наталья Отургашева

Россия, Новосибирск

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
им.Президент РФ*

Художественная рефлексия исторических драм: реквием или предостережение?

Художественная рефлексия по поводу политических потрясений всегда требует значительной временной дистанции между совершившимися событиями и их осмыслением в литературе. Эта дистанция дает возможность писателю выйти за пределы публицистического дискурса и найти авторский ракурс видения произошедшего.

Исторические драмы конца XX столетия – распад одних государств и трудный, а порой и мучительный путь образования целого ряда других – стали предметом осмысления в современной русской литературе.

Из всего многообразия жанрово-стилевых решений проблемы «человек в потрясенном мире» автор статьи выбрал для исследования прозу, отразившую жестокую и трагическую реальность через

магический кристалл многовековой культуры, на территорию которой обрушилась война. Сюжетной основой книг Н. Абгарян «Дальше жить» (2018), П. Жеребцовой «Тонкая серебристая нить» (2015) и В. Медведева «Заххок» (2017) стали военные конфликты, спровоцированные, так или иначе, распадом Советского Союза в Нагорном Карабахе, Чечне и Таджикистане.

Специфичность авторского взгляда заключается в осознании войны не как завершившегося события, но как до сих пор длящегося состояния, которое пронизывает, деформирует и разрушает судьбы людей и целых народов. По горькому замечанию Н. Абгарян, «это война, в которой мы живем». Однако именно преодоление враждебного человеку состояния ужаса и страдания является единственно возможным залогом наступления будущего. Представленные книги – серьезный вклад в эту трудную, но необходимую духовную работу.

Произведения полифоничны: представление и осмысление реальности осуществляется в них голосами разных людей, втянутых, зачастую помимо их воли, в круговорот страшных событий военного лихолетья. Представители разных поколений, культур, национальностей становятся не только героями этих книг, но и рассказчиками, открывающими перед читателем широкую панораму происходящих событий.

Роман В. Медведева «Заххок» возвращает нас в 90-е годы XX века, когда в Таджикистане шла гражданская война и боевики оппозиции отступали из центральных областей страны в дальние районы. Автор в послесловии указывает, что все герои и события в романе вымышленные, за исключением трех исторических личностей, им названных. Перед читателем разворачивается художественное повествование, которое выходит за пределы конкретных историко-политических реалий и превращается в глубокой исследование природы и сущности вневременных и внациональных явлений: власти, страха, зла.

В горном кишлаке Талхаке и прилегающих к нему окрестностях разворачивается основное действие, о котором свидетельствуют рассказчики, наделенные автором правом голоса. У каждого из них своя история, свой ракурс и масштаб видения и, соответственно, определенный регистр и объем повествования: это подростки Ан-

дрей и Зарина, выросшие в семье русской матери и отца-таджика; их дядя Джоруб, взявший на себя ответственность за семью убитого брата; журналист Олег – уроженец Душанбе, получивший в Ленинграде образование; возглавивший личную армию полевого командира бывший советский офицер Даврон; сельский парень Карим по прозвищу Тыква; суфийский шейх Эшон Ваххоб.

Роман имеет центрическую структуру: происходящие события так или иначе связаны с образом полевого командира (и бывшего инструктора райкома) Зухуршо, он – олицетворение зла, коварный и трусливый властолюбец, претендующий на безоглядное господство над людьми и провозглашающий себя единственным представителем власти:

«теперь я – государство». Для поддержания авторитета, которого ему, в силу личных качеств, недостает, он носит на плечах удава – аллюзия на змеиноного царя Заххока из древнеиранского эпоса, жестокого и властного правителя, который скармливает змее человеческий мозг. Имя этого преступного царя и стало заглавием книги.

Автор не дал права голоса «главному злодею» романа: Зухуршо нет среди повествователей, его образ складывается из оценок других людей, среди которых он не пользуется ни авторитетом, ни доверием: «Никто ему не верил. Да и как поверить человеку, таскающему на себе огромного удава... – Он что, клоун? Зачем людей смешит?» (Медведев 2017: 170).

Однако именно отношение к Зухуршо определяет место человека в системе персонажей: среди них есть вдумчивые и сострадательные наблюдатели (Джоруб); невольные или случайные жертвы тирана (Олег, Зарина); искатели власти, готовые добиться ее любой ценой и сменить Зухуршо на захваченном им троне (Гадо, эшон Ваххоб) и, наконец, герои, способные на осознанное и ответственное действие (Карим Тыква, Даврон).

Олег, корреспондент московской газеты и свидетель происходящих событий, делает интересное наблюдение: Зухуршо – «жрет власть в три горла. Обжирается. Представляю, как он в бытность свою партийным инструктором подчинялся, терпел, сдерживался, откладывал и теперь, когда дорвался до «настоящей» абсолютной, никем не

ограниченной власти, не желает себя сдерживать и хоть на секунду откладывать получение того, что захотелось...» (Медведев 2017: 183-184). Нарратив Олега ориентирован на анализ, в центре которого – проблема нового мироустройства и, в частности, феномен власти, ее сущность и проявления.

Зло многолико, оно вырастает из разных социальных страт, имеет глубокие корни и, так или иначе, связано с борьбой за власть. Например, Гадо, сводный брат Захуршо, замысливает его убийство – неслыханное преступление против устоев патриархального общества: «Милиции нет, прокуратуры нет, никакой власти нет. Я буду здесь власть» (Медведев 2017: 331). Гадо умен, коварен, двуличен и жесток – им движет ненависть к брату и желание отомстить за многолетние унижения.

Религиозно-духовную власть в горном кишлаке испокон веков представляли суфийские шейхи, однако Эшон Ваххоб, в прошлом кандидат философских наук, член Таджикской академии наук, получил этот статус вопреки своему желанию, принял его от отца вместо умершего старшего брата. Бремя ответственности мучительно и безрадостно: невозможно «поддерживать гармонию и равновесие» в мире, если «сухо и пусто внутри. Гулко, как в пещере» (Медведев 2017: 209). Неслучайно Эшон Ваххоб чувствует себя самозванцем и обманщиком: он не в силах защитить соплеменников от вражды и тирании: «коли я не имею права распорядиться собственной жизнью – смогу ли властвовать над душами мюридов?» (Медведев 2017: 203). Эшон Ваххоб тоже пытается организовать заговор против Захуршо, надеясь взять бразды правления в свои руки. Именно он формулирует лукавые основы манипулятивной стратегии: «в этом и состоит главное искусство власти – управлять не действиями, а желаниями подвластных, чтобы желания в свою очередь управляли их действиями...» (Медведев 2017: 339). Именно он рассказывает притчу, которая раскрывает философию власти и настраивает оптику читательского восприятия событий определенным образом: жители некоей страны, убив жестокого царя, безуспешно пытались сделать правителем то пастуха, то земледельца, то рыбака, которые каждый раз не оправдывали их ожиданий. Тогда они решили править сообща,

а «через год страна пришла в запустение и была завоевана соседним правителем» (Медведев 2017: 343).

Система персонажей романа так же, как и в притче, представляет разнообразный спектр претендентов на власть и носителей злой воли.

Сниженный, бытовой вариант «злодея из дешевой мелодрамы» – сельский староста Шокир, калека, озлобленный и обиженный на односельчан, пытается утвердить свою значимость ценой интриг и предательства интересов общины: «А я эзком быть не желаю. Я, может, сам вертухаем стать хочу» (Медведев 2017: 51). Он заискивает перед силой, презирует односельчан, способен на донос и предательство: «Молодежь теперь бунтует... Старших не слушают, не уважают. Меня, асакола, не уважают, власти моей не признают. Еще такие слова про вас говорят, что пересказать не смею», – нашептывает он Эшону Ваххобу (Медведев 2017: 335).

На узкие улочки горного кишлака выплескивается агрессия и ненависть, противостоять которым способен только деревенский дурачок Милиса, закрывший собою старосту от разъяренной толпы, готовой свести с ним счеты: «печальны времена, когда одно только безумие противостоит неразумию», восклицает Джоруб (Медведев 2017: 400). Его голосом в романе говорит сельская община, сплоченная веками трудной трудовой жизни, но распадающаяся на наших глазах под давлением грубой, жестокой силы и соблазна вседозволенности. Патриархальный уклад рушится под натиском новой идеологии, которую провозглашает совхозный водитель Шер: «Отцы и деды скудно жили, во всем уступая, всем подчиняясь. Это мудрость слабых. Другое время пришло. Время сильных» (Медведев 2017: 49).

И сила эта разрушительна и слепа. «Порча, которую занес к нам Зухуршо, заразила и старших, и младших», – с горечью замечает Джоруб (Медведев 2017: 400). Вирус зла продолжает распространяться и после смерти его главного носителя, он растлевает тех, кто с ним соприкасался, склоняя их к жестокости, заговорам, бесчинствам и убийствам.

Феноменология злодейства раскрывается в романе на разных уровнях организации текста: событийно-фабульном, этическом, онтологическом. Действие начинается с убийства таджикского врача Умара, в результате которого его семья вынуждена бежать из

города и искать защиты у родственников отца в горном кишлаке, а заканчивается вопросом шестнадцатилетнего Андрея на могиле убитого отца: «Что с нами со всеми будет?». Ответа сын не получает: «Отец молчал. Может быть, не знал, что сказать. А если и знал, не мог ответить. Или же я не в силах понять ответ» (Медведев 2017: 459).

Острая социальность и злободневность произведения поверяется иным, вневременным масштабом истории человечества. Культурная память, различными способами артикулируемая в «Заххоке», становится мощным основанием для происходящих событий, придает им вневременную и трагическую окраску, проявляет страшную закономерность в отношениях тирана и его жертв.

Содержательная емкость достигается путем сопряжения разных временных пластов: в ткань современных событий вплетаются нити культурной архаики, которые и придают романному тексту универсальность, выходящую за пределы определенной исторической эпохи.

Это и живущие в народном сознании предания старины (жители кишлака поклоняются священному дереву арча, совета спрашивают у эшона, охранники полевого командира – дэвы), и переходящие от поколения к поколению законы предков, которые не только цементируют уклад нелегкой патриархальной жизни горцев, но и формируют их ментальность. Заметим, что Джоруб периодически вспоминает лирические сентенции «великого поэта, соловья Талхака», Валиддина Хирс-зода: повторяясь, история каждый раз доказывает непреложность уже изреченных истин: «Мой друг, не торопи событий лёт – На смену, может, худшее придёт».

Прошлое с его преданиями и верованиями прочно укоренено в представлениях героев романа – носителей мифологического сознания: для Карима Тыквы естественно советоваться с умершим дедом, для жителей кишлака – поклоняться священному дереву арча. Собственную мифологическую концепцию создает Даврон – для объяснения наступившего хаоса. Пользуется сложившимся в иранском эпосе образом отцеубийцы и тирана Зухуршо – для устрашения толпы.

Даже стилистика речи Джоруба приобретает свойственную эпическому нарративу формульность и динамичность: «Зухуршо в

камуфляж одет, на плечах у него огромная змея лежит... Змея голову вытягивает, вперед смотрит. Хвост шевелится. Змея в серых и черных пятнах, и камуфляж у Зухуршо тоже серо-черный, пятнистый. И кажется, что змея из плеч растет. Стоит Зухуршо, перед народом красуется. Ноги широко расставлены, голова высоко поднята. Змей на плечах шевелится...» (Медведев 2017: 84).

Героизация Карима Тыквы – движимый любовью к Зарине и ненавистью у ее мучителю Зухуршо, он сумел ценой собственной жизни осуществить замышляемую многими расправу над злодеем – также происходит по законам эпического жанра и воплощается в причудливом сочетании произошедших современных событий и поэтических формул эпического сказания: «Целый день война шла – наукары автоматным огнем били, попасть не могли, Абдукарим Тыква между скал прятался, камнями отвечал...Шикор-охотник Тыква очень сильным был, не сразу умер – Волка до смерти удавил, Богу помолился, только тогда от ран скончался» (Медведев 2017: 447).

По замечанию критика, «древность оказывается сильнее современности, точнее – подчиняет ее себе и разрушает как ненужную декорацию» (Александров 2017).

Вряд ли можно согласиться с данным утверждением: древность, «прорастающая» в современность, скорее, проявляет неизменные черты человека и системные характеристики общества, обусловленные балансом созидательных и разрушительных сил. Главная тревога писателя связана именно с этой неизменностью и цикличностью возвращения змеиного царя в разных обликах в разные эпохи. Более справедливой представляется оценка, вынесенная роману Г. Юзефович: «По форме – образцовый постколониальный роман, по сути – универсальное и вневременное повествование, работающее сразу и на сюжетном, и на философски-метафизическом уровне, «Заххок» Владимира Медведева – определенно одна из лучших книг года, да и вообще один из лучших романов, написанных по-русски за последнее время» (Юзефович 2017).

Обычаи предков, издревле сложившиеся традиции считают нравственным основанием гармоничной и устойчивой жизни жители далекого таджикского селения, от имени которых говорит в романе Джуроб: «Испокон веков мы выживали единственно потому, что

твердо держались дедовских заветов. Старшие учили младших тому, что сами получили от дедов. Но те, кто не уважают старших, глухи к их поучениям и тем рвут свою связь с прежними поколениями. Они теряют стыд, ибо теряют страх и перестают бояться осуждения старших. Вместе со стыдом они теряют совесть, а лишившись совести, забывают об ответственности перед людьми и не заботятся ни о чем, кроме своего благополучия. Что тогда будет?... Рухнет весь стройный порядок, благодаря которому мы выживаем в суровых горах. И это всего лишь начало...» (Медведев 2017: 168-169).

Вековой порядок действительно рушится, социальная «порча» разъедает общество, а призывы Джоруба мало кого убеждают. Примечательная деталь: у Джоруба нет детей, ему некому передать заветы предков, и своих племянников он, человек совестливый и деликатный, не может защитить ни от упреков своенравной жены погибшего брата, ни от злой воли Зухуршо.

Государство выстраивает каркас здания, возводит его стены, но фундамент, на который эти стены опираются, – самосознание народа, его представление о благе, справедливости и порядке. Поэтому в трагическую эпоху социальных потрясений, в экстремальных условиях разрушения или деградации государственных скреп именно традиционная культура с ее запретами и установлениями способна удержать хрупкое равновесие человеческой жизни на краю социальной бездны.

Особенно проникновенно звучит эта тема в книге Н. Абгарян «Дальше жить», вышедшей в 2017 г. и имеющей подзаголовок «Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто нет». В ней собраны рассказы о жителях приграничного армянского городка Берда, на землю которого обрушилась война (речь идет о военном конфликте в Нагорном Карабахе). Здесь нет описания сражений и боевых операций, но есть глубокое и художественно выразительное осознание трагических последствий войны и невосполнимости человеческих, физических и духовных, утрат. Это реквием о погибших, исполненный лаконичным и бесконечно трогательным языком талантливого писателя.

Названия рассказов экономны, всегда в одно слово; такой же сдержанностью и лаконичностью отличается язык произведения.

Война не разворачивается как событие, не определяет фабулу рассказов, она раскрывается как состояние катастрофы, в которой людям приходится жить: «Снаряды ухали по Берду, тут и там содрогались стенами старые каменные дома, вылетали последние стекла в окнах, сходила с ума домашняя живность. Людской страх – мешкотный, неподъемный – одышливо полз по дворам, заполняя собой щели между рядами поленниц, кривенькие дымоходы, чердаки и подполы. Было безвыходно и тоскливо – так, как будто враз выключили все, что дарит надежду» (Абгарян 2018: 48).

Мир, созданный Н. Абгарян, полон бытовых деталей и подробностей, в нем есть место рецептам блюд, их запахам и вкусам: бердские бабушки пахнут «простым мылом, сухофруктами и закваской для теста» (Абгарян 2018: 181), пахлаву они готовят из тонкого теста с воздушной прослойкой из взбитых белков с сахаром и грецких орехов, в погребе у них хранится «домашний сыр, всякий: жирная брынза, малосольный чанах, волокнистый чечил, зрелый овечий – с сушеными травами» (Абгарян 2018: 132). За кажущейся избыточностью этих описаний встает горький опыт голодающих людей, переживших блокаду, окружение и мучительную невозможность достать пропитание для себя и своих близких: «Страшнее голода ничего нет», – считал Алексан, и он знал, о чем говорит, потому что видел голод в лицо. Он явился к нему в облике изможденного старика: ввалившиеся щеки, ниточки бескровных губ, пергаментная кожа, обтягивающая остро выступающие скулы» (Абгарян 2018: 137).

Плотное бытовое письмо – автор подробно, с любовью и знанием дела описывает незамысловатый и уютный быт бердцев, каждодневные заботы о починке крыши или забора, веками сложившийся уклад жизни – противоестественно взрывается неодолимой, враждебной и бессмысленной силой, осознать причины и масштаб которой персонажам не дано.

Дискурсы жизни и смерти стремительно и резко сменяют друг друга: при этом тональность авторского нарратива не меняется – меняется ракурс взгляда и интерпретация событий: из настоящего в прошлое, от следствия к причине. Резкость этих переходов становится мощным средством воздействия на читателя, который даже не успевают осознать хрупкость границы между жизнью и смертью. Вот

Андро поправляет неправильно произнесенное матерью слово, она охотно соглашалась – «Жжет», «но на следующий день допускала ту же ошибку.

В гробу она казалась совсем маленькой, даже ногами до нижнего края не доставала. Выглядела не мертвой, а задремавшей – шепотом окликнешь – проснется» (Абгарян 2018: 38).

В попытке преодолеть трагическую дисгармонию мира герои апеллируют к мифологическим представлениям, прочно укорененным в их сознании, одушевляют стихии, природу, вещи и саму войну, которая «хозяйничает» на перевале, бесчинствует в соответствии со «своими правилами», губит молодых и старых. Постепенно они узнают ее жестокие, бесчеловечные, противоестественные законы: «бомбят всегда там, где можно собрать большой урожай жертв» (Абгарян 2018: 41); «здесь – родная земля, там – чужая. Между – ничейная, отторгнутая жизнью нейтральная полоса, дорога в которую отрезана всем» (Абгарян 2018: 72).

Осознать этот «недоступный человеческому пониманию Божий замысел» никак не может старая Маро, которая перестала печь пахлаву, потому что «последняя ее пахлава так и осталась на коленях погибшей невестки» (Абгарян 2018: 54). Это поразительное сочетание несопоставимых масштабов – войны и не испеченной пахлавы – задает оптику читательского восприятия созданного писателем мира через призму обыденной, совсем не героической жизни горного селения, трагически разрушенной военной катастрофой. Эхо войны болью отзывается в каждом рассказе, которые нанизываются как бусины на общую нить повествования: в каждой последующей новелле читатель встречает персонажей, мимоходом упомянутых в предыдущей.

При обсуждении творчества Н. Абгарян в критике всплывает термин «магический реализм», который в свое время удачно отразил художественное своеобразие латиноамериканского романа. Герои ее произведений живут в соответствии с вековыми устоями древней культуры, поэтому миф является для них неотъемлемой частью сознания, определяющей их отношение к людям, природе, вещам и событиям. Они верят в приметы (в мае нельзя жениться) и в рассказанные бабушками легенды, совершают жертвоприношения в

соответствии с обычаями предков, почитают старших («почтение к старшим – превыше всего»). Обычные вещи – сотканный руками матери ковер, приготовленная по традиционному рецепту пахлава – приобретают в контексте повествования глубокий символический смысл и хранят память об ушедших родственниках.

Бытовое измерение сопрягается с бытийным: вещи, еда, животные, люди включаются в общий контекст мифологической картины мира – неслучайно Левон с нетерпением ждет, когда соседка «принесет золотистые кусочки благословенного багараджа» и «каждый раз так, словно пробует на вкус солнце» (Абгарян 2018: 34).

Природный универсум, в соответствии с законами мифа, не делает различия между живым и мертвым, бытом и бытием, животным и человеком. Поэтому герой рассказа «Гулпа» не доверяет новому ветеринару: он «молодой еще, жизни не знает, животных за равных не держит. А раз не держит – смысл от него толковое ждать?» (Абгарян 2018: 60). А старая Маро, объясняя внуку необходимость прятать от снарядов тело погибшего деда в подвале, утверждает непреложный нравственный закон: «Мертвый или живой – человек остается человеком» (Абгарян 2018: 50).

Даже время в рассказах имеет мифологическое измерение, оно определяется не датами и часами, а естественным движением природных ритмов: «Невестка Маро погибла на третий день ливня, когда вконец развезло дороги и деревья намокли так, что не держали ветвей...» (Абгарян 2018: 51).

Природа, по мысли автора, одна из тех сил, которая способна принести утешение человеку, залечить его душевные раны. Пейзажные зарисовки Н. Абгарян звучат мощным контрапунктом разрушительному образу войны: «Стая деревенских ласточек, вспорхнув с кипарисовой рощи, кружит в выси, черкая по стремительно сверкающему небесному полотну острыми крыльями. Бесшумно падает первая роса – густая, живительная, – выпроваживает ночь. Спутав время, заводит протяжную песню сверчок...» (Абгарян 2018: 6).

Природа разделяет человеческое горе и откликается на него оглушительной тишиной, безмолвием небес, «непоколебимое молчание которых убивало всякую веру в спасение» (Абгарян 2018:

43). В свою очередь, человек включается в круговорот природы и подчиняется естественному ходу вещей: нани (прабабушка) «стала облетать событиями и людьми, словно осеннее дерево – листьями» (Абгарян 2018: 67).

Бытовое и бытийное, малое и большое, профанное и сакральное соединяется в единый и целостный мир, гармонию которого безжалостно разрушает война. Нарушенный миропорядок проявляет себя и в природе: вместе с войной пришли на окрестные земли шакалы, они «были частью войны, ...пахли ею» (Абгарян 2018: 74). А человек, участник и наблюдатель, с горечью сетует на диссонанс: «до чего бессмысленной может казаться в войну красота природы!» (Абгарян 2018: 200).

Трагедия войны, по мысли писателя, заключается еще и в том, что «однажды начавшись, она может не закончиться никогда. Война будет медленно расплзаться, отравля смрадным дыханием все на своем пути» (Абгарян 2018: 194). Забирая мужчин, разрушая дома, напуская болезни на женщин и детей. Отравляя души разъедающей ненавистью к людям другой веры и другой культуры. «Война каждого помечает своим клеймом и никому не дает спастись» (Абгарян 2018: 175).

Единственным противоядием этому бедствию современного мира в книге Н. Абгарян выступает преодоление ненависти, любовь к близким и милосердие к поверженным – вопреки законам военного времени и жажде личного отмщения. Убедительным свидетельством их торжества служат многие новеллы и, в частности, «Ожидание» и «Кружева», в которых армянская бабушка Цовинар отпускает на волю плененного сыном противника, а рассказ старой азербайджанки позволяет героине-армянке почувствовать ее поддержку и дает утешение. Мир спасает доброта, явленная не только в поступках и словах жителей Берда, но и в улыбке девушки, физически выжившей, но душевно искалеченной войной: «этот мир еще не совсем безнадежен, если его согревает улыбкой старшая дочь Азинанц Тиграна» (Абгарян 2018: 167).

Смысл жизни для героев исчерпывается простой и емкой формулой: «Жизнь имеет смысл, пока есть о ком заботиться, часто

повторяет Алексан. Арпине не возражает...: жизнь имеет смысл тогда, когда есть для кого жить» (Абгарян 2018: 143).

«Жизнь всегда побеждает смерть» – кредо Н. Абгарян, сформулированное языком ее мудрой бабушки Таты. Этой формуле вторит героиня книги П. Жеребцовой «Тонкая серебристая нить», ингушская женщина, пережившая осетино-ингушский конфликт: «Мы можем жить в мире. И людей, и землю создал Аллах. Как можно сказать «ненавижу» из-за цвета кожи, одежды или веры? Ударить? Убить?». Бабушка Матрена объясняет своей шестилетней внучке Вике: «Никого нельзя убивать. Все рождены, чтобы жить» (Жеребцова 2015: Дочь Пророка). Эти простые истины достаются людям ценой больших испытаний.

В романе Медведева, по преимуществу, звучат голоса молодых мужчин (Зарина – единственная девушка среди повествователей), в книге Н. Абгарян – голоса старых армянских женщин, матерей, жен и вдов. Письмо В.Медведева жестче и динамичнее, события разворачиваются на наших глазах, почти детективная интрига держит читателя в напряжении до последних страниц. В произведении Н. Абгарян фабула не играет большой роли: все ключевые события случились в прошлом: погромы, обстрелы, блокады. Перед читателем – рефлексия по поводу произошедшего, данная через призму личных утрат и потерь, высказанная языком человеческого горя и, одновременно, надежды.

В книге «Тонкая серебристая нить» (2015 г.), посвященной чеченской войне, о событиях свидетельствуют очевидцы и, прежде всего, сам автор, Полина Жеребцова, которая пережила войну в подростковом возрасте: в разных новеллах ей от 9 до 12 лет. Это взгляд рано повзрослевшего ребенка.

Перед читателем безыскусные повествования ингушей, чеченцев, русских о близких и далеких людях, о родных и соседях, о бомбежках, обстрелах и предательстве, о благородстве и готовности поделить последним куском хлеба, о страшных обычаях насильно выдавать девочек замуж, ломая их судьбы, и прекрасных легендах, воспевающих добро и красоту. В книге 33 рассказа – как 33 ступени пирамиды, ведущей к воротам Шамбалы, про которую рассказывает

молодой врач своей русской по происхождению пациентке с мусульманским именем Фатима.

Последовательность рассказов производит впечатление случайного выбора (был такой случай), связаны они только образом повествователя – девочки, увидевшей войну своими глазами и запечатлевшей ее в своем дневнике, а позднее – и в книге рассказов. Дитя войны, она «научилась слышать, как летит пуля, рассчитывать по секундам, когда и где упадет снаряд, открывать рот, если глубинная бомба падает на соседскую пятиэтажку, чтобы не лопнули барабанные перепонки» (Жеребцова 2015).

Однако война – это не только разрушение физического мира: «Война нарушает не только ритм жизни – она стирает законы, порядок: раньше чеченцы со стариками не спорили, а теперь могли даже убить в пылу спора» (Жеребцова 2015). Война калечит людей не только физически, но и нравственно. В интернациональном когда-то городе Грозном одни спасают соседей от расправы, другие пишут на них доносы, надеясь на дополнительные квадратные метры. Горький опыт подсказывает старику-ветерану Великой Отечественной войны неутешительный вывод: «Соседи всегда одинаковы. Особенно если война. Это всегда предатели, мародеры и трусы. Иногда герои, иногда убийцы. Но для этого нужен стержень. Таких мало.» (Жеребцова 2015).

Книга П. Жеребцовой – это жесткий и страшный рассказ о пережитой войне от первого лица, отсюда – доверительность и непосредственность авторской интонации, ярко выраженная оценочность суждений, публицистическое начало, фрагментарность композиции, характерная для дневниковых записей, короткие предложения, парцелляция синтаксических конструкций, передающая как бы устный характер речи: «Моего родного дедушку разбомбили в больнице. Ему было 72 года. Участник Великой Отечественной. Он лежал на операции, с язвой желудка» (Жеребцова 2015).

Высказать философию жизни молодой автор доверяет старшим и умудренным опытом, среди таких персонажей – дедушка Идрис, скромный старик-ингуш, сапожник, который когда-то храбро воевал с немцами, а теперь для него великое счастье – «кропотливо и тихо, но все же помогать людям...» (Жеребцова 2015). Его вера

оптимистична и обоснованна: «Война обязательно закончится! Ведь хорошие люди не хотят воевать...». Именно он закрывает собой дверь в квартиру русской женщины с ребенком, когда в нее пытаются ворваться чеченские боевики.

Зло не имеет национальности, возраста, религиозных убеждений – оно творится фанатиками всех мастей и сеет вокруг себя страдание и смерть: «Есть люди и нелюди среди всех религий и национальностей» – говорит Фатима (Жеребцова 2015). Русский доктор Денис ненавидит войны, старается помочь несчастным, попавшим в психиатрическую больницу, и записывает свидетельства очевидцев, чтобы сохранить память о войне. Ингуш дедушка Идрис ценой собственной жизни спасает русскую женщину и ее ребенка, чеченец Али помогает русской старушке дверь починить, а потом женится на ее внучке, которая меняет имя и веру из любви к мужу. Грозный – интернациональный город: «Первая война уже отгремела, но ненависть еще не поселилась в наших сердцах. Мы роднимся: чеченцы и русские, мы еще помним, что все мы люди. Это 1995 год. Весна» (Жеребцова 2015).

В книге П. Жеребцовой тоже есть обращения к сохранившимся у горцев преданиям и обычаям, которые зачастую настораживают читателя своей ортодоксальностью и неуважением к женской судьбе (Зайна. Дочь Пророка). Персонажи (в т.ч. девочка-автор) видят чудесные сны, связывающие верхний и нижний миры. Призванные обеспечить глубину и многомерность текста, они, на наш взгляд, производят впечатление показательной нравоучительности и иллюстративности, что, в некоторой степени, снижает художественный потенциал этих новелл.

Перед читателем – книга – предостережение и книга – приговор – всем, кто развязывает войны и наполняет мир враждой и ненавистью всех ко всем.

Во всех трех книгах олицетворением зла выступает война. А противостоят ей не только мудрецы и пророки, спускающиеся на парашютах в необычном сне девочки – повествователя, но и персонажи, которые обладают мужеством жить и оставаться людьми, противопоставляя ненависти милосердие, доброту, заботу о людях и родной земле: «как бы ни болела душа и как бы ни плакало сердце,

береги в чистоте тот лоскут мира, что тебе доверен. Ведь ничего более для его спасения ты сделать не можешь» (Абгарян 2017: 245).

Коллективная трагедия открывается читателю через личные истории персонажей: общее горе преодолевается любовью, трудом, терпением и тем культурным капиталом, который, проявляясь в менталитете и образе жизни народа, обеспечивает возможность его физического выживания и запас духовной прочности. Переживая страшный опыт, люди не только восстанавливают быт, чтобы жить дальше, но и сохраняют в сердце скорбную память, обретая в ней основы новой культурной идентичности, вне которой невозможно подлинно человеческое существование.

Бывает, что испытанное страдание не может быть преодолено, и тогда оно разрушает душу и плодит новых нелюдей или пациентов психиатрических лечебниц: ведь «люди из зоны катастроф не умеют жить в мире». Скверна зла распространяется по миру, заражая и победителей, и побежденных. Хотя если война идет в одной стране, нет ни первых, ни вторых. Об этом предостерегают книги В. Медведева, Н. Абгарян и П. Жеребцовой. Услышать их предостережение – задача современного читателя, независимо от возраста, национальности и вероисповедания.

Литература

Абгарян 2018: Абгарян, Н.Ю. *Дальше жить*. Москва: издательство АСТ, 2018.

Александров 2019: Александров, Н. *Владимир Медведев. Захлок*. Эхо Москвы. 05.06.2017. (Электронный ресурс) Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/books/1994238-echo/>. Дата обращения 15.07.2019.

Жеребцова 2019: Жеребцова, П. *Тонкая серебристая нить*. (Электронный ресурс). Москва: издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1050501/6/Zherebcova_-_Tonkaya_serebristaya_nit.html. Дата обращения 10.08.2019.

Медведев 2017: Медведев, В.Н. *Захлок*: роману. Москва: изд-во «ArsisBooks», 2017.

Юзефович 2019: Юзефович, Г. *О книгах Захлок» и «Черный ветер, белый снег»*. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/05/08/luchshiy-russkiy-roman-goda-i-issledovanie-shefa-moskovskogo-byuro-ft-o-vraziystve>. Дата обращения 14.08.2019.